

Мыскин Сергей Владимирович

ПРОФЕССИОНАЛЬНОЕ СОЗНАНИЕ: ЯЗЫКОВОЕ И НЕЯЗЫКОВОЕ

Статья раскрывает содержание понятия "профессиональное сознание", которое выступает центральным элементом теории и концепции языковой профессиональной личности. Дается структурно-содержательный анализ профессионального сознания, обозначены языковой и неязыковой его виды. Основное внимание автор акцентирует на формировании профессионального сознания в условиях выполнения совместной профессиональной деятельности.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2013/12-2/34.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2013. № 12 (30): в 2-х ч. Ч. II. С. 135-140. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2013/12-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_phil@gramota.net

УДК 81

Филологические науки

Статья раскрывает содержание понятия «профессиональное сознание», которое выступает центральным элементом теории и концепции языковой профессиональной личности. Дается структурно-содержательный анализ профессионального сознания, обозначены языковой и неязыковой его виды. Основное внимание автор акцентирует на формировании профессионального сознания в условиях выполнения совместной профессиональной деятельности.

Ключевые слова и фразы: профессиональное сознание; языковое профессиональное сознание; неязыковое профессиональное сознание; профессиональный образ мира; предметное значение; языковое значение; ролевое значение; восприятие; деятельность; совместная деятельность, управление.

Мыскин Сергей Владимирович, к. психол. н., доцент
Институт языкознания Российской академии наук, г. Москва
myskinsv@yandex.ru

ПРОФЕССИОНАЛЬНОЕ СОЗНАНИЕ: ЯЗЫКОВОЕ И НЕЯЗЫКОВОЕ[©]

Трудовая деятельность современного специалиста носит полипрофессиональный характер, осуществляется в условиях совместной деятельности с опорой на общественно выработанные нормы и образцы поведения, которые представлены либо культурными предметами, либо их знаковым описанием. Данное обстоятельство указывает на существование в профессиональном общении разнопрофильных специалистов одного трудового коллектива нескольких специальных языков, что формирует особое профессиональное сознание и влияет на эффективность совместной деятельности. В связи с этим актуальным становится изучение проблемы взаимодействия носителей разных профессиональных культур, а следовательно, и разных языковых и неязыковых профессиональных сознаний участников совместной деятельности.

Отраженная в культурных предметах и их знаковых коррелятах общественная практика выступает одним из организаторов профессиональной деятельности человека. Вместе с тем деятельность и предмет деятельности находятся не в прямой связи, их взаимосвязь опосредована внутренним миром человека. В психолингвистической парадигме взаимосвязь индивидуальной деятельности и общественного опыта, представленного предметами культуры, раскрывается через анализ сознания человека [2; 4; 6; 12; 21]. Так, С. Л. Рубинштейн отмечает, что «развитие сознания у человека неразрывно связано с началом общественно-трудовой деятельности» [20, с. 134]. В связи с этим, для характеристики языкового и неязыкового профессионального сознания специалиста необходимо рассмотреть такие понятия, как «сознание», «образ», «значение».

Историко-философский анализ становления сознания человека позволяет определить важность роли труда и совместной деятельности в этом процессе. Развитие труда обусловило возникновение сложных практических и познавательных функций человека, а совместная деятельность способствовала развитию речи. Эти психические новообразования обеспечили эволюционный выход индивидуального сознания за границы личного опыта человека и позволили стать продуктом общественного труда. Накопленный культурный опыт фиксировался в орудиях труда, в операциях, т.е. способах деятельности с ними и знаниях о них, что позволяло передавать их из поколения в поколение. Отметим, что индивидуальные знания — это ментальные образования, которые в условиях совместной, т.е. общественной, деятельности превращаются в коллективные знания или сознание. Другими словами, передача культурного опыта при помощи орудий труда (при их распредмечивании) и речи возможна лишь на основе совместного знания [15]. Следовательно, и профессиональное сознание специалиста может сформироваться только в процессе освоения им специальных предметов труда в условиях совместной профессиональной деятельности, организованной при помощи речевого общения. В этом случае профессия предстает перед будущим специалистом в виде совокупности взаимосвязанных профессиональных предметов, данных ему для распредмечивания [21]. Напомним, что распредмечивание — это процесс, обратный опредмечиванию, при котором свойства и сущности предметов «переходят» в способности человека. В ходе распредмечивания или освоения предметов профессиональной деятельности у субъекта формируются соответствующие специализированные умения и навыки ре-производства этой профессиональной деятельности. Именно освоение человеком определенной совокупности культурных предметов, относящихся к конкретной профессии, формирует его профессиональное сознание в частности и как конкретную профессиональную личность в целом.

В философских и психологических науках сознание рассматривается через взаимоотношение общественной и индивидуальной реальностей. Так, в философии сознание — это «единство психических процессов, активно участвующих в осмыслении человеком объективного мира и своего собственного бытия» [24]. В отечественной психологии тема сознания по-разному раскрывается в работах С. Л. Рубинштейна и А. Н. Леонтьева. С. Л. Рубинштейн трактует сознание как психическую деятельность, состоящую в рефлексии окружающего мира и собственной жизни. «Единицей» сознательного действия, по мнению ученого, является целостный акт отражения объекта субъектом, включающий единство двух противоположных компонентов: знания и отношения [20, с. 149]. А. Н. Леонтьев определяет, что «сознание в своей непосредственности есть открывающаяся

субъекту картина мира, в которую включен он сам, его действия и состояния» [12, с. 167]. При этом автор в своих рассуждениях синонимично употребляет термины «картина мира» и «образ мира». Указанные подходы, конечно же, не раскрывают в полной мере сущности профессионального сознания, вместе с тем опора в нашем исследовании на категорию «профессиональная картина мира» позволяет рассматривать сознание в качестве основы профессионального самоопределения личности, так как субъект самоопределяется, опираясь на тот «материал», который он «черпает из образа мира».

Понятие «образ» подробно рассмотрено в философии [9; 10] и психологии [5; 7; 8; 11; 12]. Но в нашем исследовании мы принимаем психологическую трактовку образа, которая связывается с понятием «образа мира» [12], или субъективного бытия предмета [8]. При этом образ, созданный в ходе присвоения значения слова или знака как элемента культуры, представляет собой деятельность в «свернутом» виде [11, с. 315]. Присвоение, или интериоризация, здесь понимается как процессы отрыва предметного содержания – значения – от вещественности и соединения его с чувственной тканью образа. Вместе с тем при прямом восприятии предмета усваивается значение именно этого предмета (так называемый, «первичный образ»), а в отсутствии предмета, при восприятии номинации, мы под заданное знаком значение подставляем наличный образ предмета, до этого уже сформированный («вторичный образ»). А. Н. Леонтьев характеризует этот процесс как непрямую чувственно-предметную отнесенность значения [12, с. 148]. Во втором случае в образе реальный объект замещается квазиобъектом – знаком, что приводит к возникновению «двойной чувственности» квазиобъекта: к образу предмета и к образу языкового материала, из которого он построен. Такой взгляд на значение вскрывает его неоднородную природу: с одной стороны, как социального явления, общественного опыта, с другой – как компонента сознания и деятельности конкретной личности. Как отмечает А. А. Леонтьев, такая двойственность значения обеспечивает его движение, взаимопереходы от общественного к индивидуальному, и наоборот [11]. Это означает, что профессиональный образ мира формируется при восприятии языковых и неязыковых значений предметов трудовой реальности. Исходя из этого, мы можем выделить языковое и неязыковое профессиональное сознание.

В лингвистике существует представление о языковом сознании как рефлексии над языком и модусами его существования [23]. Языковое сознание в отечественной психолингвистике трактуется как совокупность образов сознания, формируемых и овнешняемых при помощи языковых средств — слов, свободных и устойчивых словосочетаний, предложений, текстов и ассоциативных полей [21]. В нашем исследовании мы придерживаемся психолингвистического подхода, при котором языковое профессиональное сознание есть опосредованный языком профессиональный образ мира, т.е. совокупность перцептивных, концептуальных и процедурных знаний носителя профессиональной культуры об объектах мира труда [22, с. 7].

Однако профессиональное сознание, языковое и неязыковое, — это абстракция, явление, не доступное непосредственному восприятию. Для научного изучения этого феномена необходимо определить его объективное выражение, что возможно при опоре на общепсихологическую теорию деятельности, содержащей тезис о том, что сознание формируется при участии языка, выступающего средством обобщения образов сознания, возникающих в деятельности [12; 21]. В этом случае, единственным способом объективного исследования языкового сознания в рамках деятельностного подхода выступает «субъект-объектная схема», предполагающая противопоставление субъектом сознания как объекта самому себе. При этом существуют три формы выражения языкового сознания, доступные для анализа: 1) образ результата деятельности; 2) форма самой деятельности (действия, операции); 3) продукт деятельности. Следует отметить, что языковое сознание может быть исследовано лишь как продукт прошедшей деятельности, то есть в своих превращениях из деятельности или ее продукта в психический образ, в отчужденных от субъекта сознания формах культурных предметов и квазипредметов [21]. В процессе такого «присвоения» субъектом определенной профессиональной культуры формируются перцептивные, концептуальные и процедурные качества языкового профессионального сознания [25]. При этом внешние формы существования сознания – предметная и деятельностная, – доступные для внешнего наблюдения и анализа, служат средством анализа ментальных образов. Исходя из этого, профессиональное сознание возможно анализировать по объективным проявлениям профессиональной коммуникации и профессиональной деятельности, а также по предметам профессиональной деятельности и их вербальным описаниям.

Как было отмечено выше, сознание человека формируется в процессе деятельности, разворачивающейся в конкретной профессиональной и, шире, в этнической культуре. Применение этого принципа к профессиональному сознанию (языковому и неязыковому) показывает, что ведущим фактором его формирования является деятельность субъектов труда, организованная в речевом общении, так как только в общении и взаимодействии с другими возможна трансляция и усвоение профессиональных знаний. Подтверждением данного утверждения выступает тезис Е. Ф. Тарасова, который указывает на значительную роль общения в коллективной деятельности: «общение – знаковая «активность сотрудничающих личностей, конечная цель которой – организация совместной деятельности» [22, с. 20]. Таким образом, организация совместной профессиональной деятельности субъектов возможна при общности присвоенной ими профессиональной культуры. Другими словами, общность распределенных предметов профессиональной культуры и освоенных соответствующих им вербальных описаний и определяет единство индивидуальных профессиональных сознаний специалистов. Заметим, что описания культурных предметов не сводятся к перечислению их физических свойств, а презентуются нами как способы действия.

Вместе с тем отметим, что в профессиональной ситуации организация совместной деятельности подчинена единому для всех результату профессиональной деятельности. Для того чтобы группа совершала эффективные скоординированные поступки и действия, необходимо коллективное определение общих целей и путей их реализации, подчинение совместно намеченному движению поведения каждого из членов группы [18]. Следовательно, если в организации совместной деятельности первичным является общая для всех участников цель,

то деловое общение, общность профессиональной культуры являются необходимым условием достижения общей цели. Здесь мы можем сослаться на рассуждения А. Н. Леонтьева о возникновении в совместной деятельности целенаправленных процессов: «Деятельность участников совместного труда побуждается его продуктом, который первоначально непосредственно отвечает потребности каждого из них. Однако развитие даже простейшего технического разделения труда необходимо приводит к выделению как бы промежуточных, частичных результатов, которые достигаются отдельными участниками коллективной трудовой деятельности, но которые сами по себе не способны удовлетворять их потребности. Их потребность удовлетворяется не этими «промежуточными» результатами, а долей продукта их совокупной деятельности, получаемой каждым из них в силу связывающих их друг с другом отношений, возникших в процессе труда, т.е. отношений общественных» [12, с. 74]. Значит, верно следующее отношение «общая цель → общность профессиональной культуры → единство профессиональных сознаний», где общая цель представлена результатом (результатами) совместной деятельности, профессиональная культура выражена всеобъемлющим набором предметов профессиональной деятельности, а единство профессиональных сознаний – синергетической суммой индивидуальных сознаний всех специалистов, включенных в совместную профессиональную деятельность. В этом случае профессиональное сознание конкретного специалиста предстает в виде совокупности фрагментов, каждый из которых обусловлен общей целью совместных действий с другими разнопрофильными специалистами на различных иерархических уровнях профессиональной деятельности. А движение профессионального сознания осуществляется от фрагмента к фрагменту в зависимости от смены партнера по профессиональному общению.

Следующим исследовательским шагом является рассмотрение функционирования профессионального сознания. Деятельностный подход позволяет рассмотреть функционирование профессионального сознания, опираясь на схему восприятия объектов реальной действительности [12], в которой выделены следующие элементы. Во-первых, чувственная ткань психического образа, возникшего в сознании как результат функционирования перцептивных систем человека в процессе восприятия объекта действительности. Второй образующей выступает личностный смысл, посредством которого «осмысляется» чувственная ткань образа. Обе составляющие являются достоянием индивидуальной психики и «доступны для наблюдения только в процессе означивания, т.е. в процессе «пересказа» личностного смысла чувственного образа объекта при помощи общественно закрепленных знаний (значений)» [21, с. 11]. Третья образующая сознания – это биодинамическая ткань действия, в результате которого возникает чувственная ткань. В. П. Зинченко определил биодинамическую ткань действия как совокупность динамических, силовых, темпоральных характеристик живого движения и предметного действия [6]. Целостно процесс восприятия действительности неязыковой природы выглядит следующим образом: биодинамическая ткань действия, возникающая в человеческой деятельности, приводит к формированию в сознании чувственной ткани, осмысляемой, и затем означиваемой при помощи общественно закрепленных знаний. Эти знания (значения), а следовательно, через них, и образы сознания (чувственная ткань + личностный смысл) могут функционировать в интересубъективном пространстве, быть доступными для восприятия только в том случае, если оказываются ассоциативно связаны с другим предметом, играющим роль тела знака (означающего). Чаще всего значение связано с телом языкового знака, поэтому, как утверждает Е. Ф. Тарасов, для А. Н. Леонтьева сознание является преимущественно языковым сознанием [21, с. 11].

Очевидно, что образующие сознания позволяют уточнить представления о знаке. Тело знака (означающее) связано в общественном сознании со значением (общественно закрепленным знанием), а в индивидуальном сознании – с чувственной тканью и смыслом. Такой взгляд объясняет существование двух модусов знака, индивидуальной и общественной формы, субъектного и интересубъектного [4; 12]. А. Н. Леонтьев описывает двойственность существования знака через внутренние и внешние звенья деятельности. По мнению автора, каждая человеческая деятельность перед своей действительной реализацией планируется в виде определенных мыслительных схем, формируемых во внутренней психической деятельности [13]. С ним соглашается Е. Ф. Тарасов, который относит мысленный план деятельности к внутренней объективной форме деятельности, а предметную деятельность – к другой ее форме [21, с. 13].

Описанная выше схема позволяет понять, как функционирует профессиональное сознание специалиста в процессе восприятия объектов языковой и неязыковой природы в условиях коллективной деятельности.

Итак, при оперировании с предметом профессиональной деятельности у специалиста возникает чувственный образ, наделенный личностным смыслом. Возникший образ формулируется специальными знаниями и овнешняется соответствующими профессиональными терминами. Этот образ организует предметную деятельность субъекта. Однако профессиональное сознание избирательно, специалист воспринимает лишь те предметы, которые включены в совместную деятельность, отвечают общей цели. Поэтому в сознании профессионала предмет должен отражаться вместе с целью, неотъемлемо от неё. В противном случае, сознание характеризовалось бы как выходящее за рамки совместной профессиональной деятельности и имело под собой другие цели и задачи. Например, оперируя с каким-либо орудием труда, труженик может выступать в роли пользователя этого предмета, а не участника совместной деятельности. Можно было бы возразить, что работник, помещенный в профессиональную среду, не задумывается над общей целью и реактивно реагирует на окружающие его предметы труда. Но, ведь тогда мы имеем дело с человеком, реагирующим на совокупность стимулов и не осознающим конечной цели своей деятельности. Такой работник предстает в некоем механистическом виде, в классических традициях бихевиоризма. Конечно же, такая практика встречается в истории развития менеджмента, когда работник использовался как ресурсная сила, которую по мере истечения «внутреннего заряда» можно заменить другой [17, с. 41]. Однако мировой институт менеджмента еще в XX веке сменил техноцентрический подход к управлению человеческими ресурсами на антропоцентрический, гуманный,

учитывающий внутренний мир человека трудящегося. Итак, можно утверждать, что в профессиональном сознании специалиста предметы труда представлены неотрывно от целей совместной деятельности.

Далее, обратимся к рассмотрению личностного смысла, который «окрашивает» чувственную ткань предметного образа. Л. С. Выготский связывает мышление со значением, практическое действие с вещью, а предметное действие со смыслом. Вслед за А. Н. Леонтьевым, А. А. Леонтьев поддерживает данную мысль и утверждает, «что смысл принадлежит не предмету, а деятельности как реализованному отношению к предмету... Значение связано с операционной структурой деятельности, смысл — с актом деятельности в целом. Только мое отношение к значению (или к предмету как значению, то есть к предметному значению) сообщает значению (= предмету) смысл: смысл и есть «значение для меня значения» [11, с. 325]. Итак, личностный смысл профессионала связан с единой для всех сотрудников целью профессиональной деятельности. Следовательно, общая цель отражает личностный смысл специалиста как члена конкретного трудового коллектива. В современных теориях организационного поведения данная мысль отражает основы управления — личная цель каждого работника должна быть включена в общую цель, только достигая общей цели, работник может реализовать индивидуальную [14; 17]. Значит, материалом для осмысления чувственной ткани профессионального предметного образа является единая цель совместной профессиональной деятельности.

Следующей единицей восприятия выступает значение. Значение в лингвистике трактуется в словесных, вербальных рамках и связывается с понятием знака. В психологии значение представлено более широким понятием. А. Н. Леонтьев дает следующее определение значения: «Значение — это ставшее достоянием моего сознания <...> обобщенное отражение действительности, выработанное человечеством и зафиксированное в форме понятия, значения или даже в форме умения как обобщенного «образа действия», формы поведения и т.п.» [13, с. 290]. А. А. Леонтьев переформулирует это определение так: «...значение — это любая форма социальной фиксации и кодификации деятельности, существующая также и в сознании» [11, с. 318]. Следовательно, в профессиональной ситуации значение связывается с операциональной структурой предметных профессиональных действий. Однако деятельность специалиста всегда встроена в работу всего коллектива и непосредственно влияет на процесс и результат деятельности другого. В связи с этим восприятие операциональной стороны своих профессиональных действий, т.е. значения, должно сопровождаться одновременным восприятием профессиональных действий других коллег, включенных в совместную деятельность. Неучёт этого обстоятельства приводит к возникновению различных деструктивных факторов единой коллективной деятельности. Например, незнание, невладение, непонимание одним специалистом профессиональной деятельности своего коллеги делает недоступным восприятие её содержательно-структурных признаков, и в этом случае вместе со значением своей деятельности воспринимается не сама профессиональная деятельность другого специалиста, а лишь её носитель, коллега как субъект этой деятельности, что в итоге переводит профессиональное общение и взаимодействие на уровень межличностных отношений, но не деловых.

Дальнейший анализ понятия «значение» позволяет выделить три формы его существования: языковое, предметное и ролевое [11]. Языковое значение связано со словом или другим знаком, что дает возможность оперировать им отдельно от самой ситуации деятельности. Предметное значение связывается с реальным или воображаемым предметом, который включен в действительную или воображаемую ситуацию. Ролевое значение «существует на чувственной базе динамических компонентов самой деятельности» и выступает в виде социальных норм и социальных ролей [Там же, с. 320]. При этом все перечисленные формы существуют как во внешнем, так и во внутреннем планах. Так, социальная роль на внешнем уровне выражена системой ролевых предписаний индивиду, а во внутреннем — представлениями и ожиданиями от индивида его ролевой деятельности, сформированной в ходе её интернализации. Слово зафиксировано в словарях и в индивидуальном сознании, а предметное значение представлено образом в памяти и воображении.

Вместе с тем в условиях совместной профессиональной деятельности указанные формы значения не могут существовать раздельно, т.к. объединены общей для субъектов целью. О. С. Виханский и А. И. Наумов пишут по этому поводу: «Восприятие содержания работы характеризует ее с точки зрения понимания ее природы отдельным исполнителем. Существует различие между объективными и субъективными свойствами работы, отражаемыми в восприятиях людей. Нельзя понять результат работы, абстрагируясь от различий в личностных качествах, потребностях и интересах исполнителей. Также нельзя сделать это без учета социальной среды, в которой эта работа выполняется» [3, с. 205].

Учитывая вышеописанные особенности ситуации совместной профессиональной деятельности, мы выделяем еще одну форму существования значения, которая может быть охарактеризована как «предмет+субъект». В этом случае, профессиональное сознание направлено не отдельно на предмет деятельности или ролевые нормы, а на «человека, действующего в соответствии с нормами». Причем это применимо как к партнеру по совместной деятельности, так и самому воспринимающему субъекту. Тогда значение будет представлено в схеме «предмет + Я-профессионал», где «Я-профессионал» рассматривается с точки зрения выполнения своей профессиональной деятельности. Включенность в восприятие предмета деятельности в купе с субъектом этой деятельности выводит нас на качественно иной уровень профессионального сознания. При отражении такого рода происходит рефлексивное отслоение от актуальной ситуации восприятия не только предметной деятельности, но и субъекта ее реализующего. При этом значение связывается не с операциональным составом действия, а с отношениями субъекта к профессиональным действиям, которые он реализует в данной профессиональной ситуации.

Обращаясь к характеристике структуры значения, А. А. Леонтьев отмечает, что значение одновременно есть часть общественного сознания и общественно-исторического опыта, а также означенная действительность, образующая индивидуальное сознание. Как субъективное содержание знакового образа, значение

содержит когнитивный и коммуникативный инварианты. Когнитивная часть соотносена с системой содержательных общественных связей, зафиксированных в знаке. Коммуникативная часть включает систему операций со знаком, правила его употребления. В зависимости от целей и задач деятельности «центр тяжести» значения перемещается в поле между коммуникативной и когнитивной частями [11, с. 322].

Данное описание показывает, что А. А. Леонтьев отразил динамику значения в планиметрических категориях. Опираясь на введенную нами дополнительную форму значения – «предмет+субъект», – мы можем утверждать, что значение обладает объемом, глубиной. И наряду с движением в плоскости оно может рассматриваться в стереометрическом измерении, когда одна форма значения включена в другую, т.е. расширение предметного значения достигается за счет включения значения профессионала. При этом предметное значение отходит на задний план, за профессионала. Например, когда мы представляем, как именно мы конкретно выполняем какую-то работу, фокус сознания располагается не на операциях, а на наших профессиональных способностях, которые позволяют выполнять эти операции на определенном качественном уровне. Другими словами, происходит переход фокуса профессионального сознания с предмета на личность, оперирующую этим предметом, а затем – на всю профессиональную ситуацию, что и указывает на существование такой характеристики значения, как объемность, глубина. Данная мысль находит свое подтверждение в математической теории множеств: если множество обладает каким-либо свойством, то каждый элемент, его составляющий, также обладает этим свойством [16]. Следовательно, если сознание объемно [7], то и каждый его элемент, его единица также обладают объемом.

Как было отмечено выше, существует неязыковое и языковое профессиональное сознание, т.к. предметное значение может актуализироваться и в профессиональной деятельности, и в специальном языке [21, с. 16]. В отличие от восприятия субъектом предметов неязыковой природы, перцептивный процесс речевых произведений, в которых объект профессионального труда описан языковыми знаками, протекает по-другому. В этом случае процесс восприятия объекта начинается с его языкового знака, предполагающего процессы обнаружения, опознания, идентификации, осмысления, которые опираются на образ этого знака (состоящий из чувственной ткани и смысла). Причем образ выступает в качестве перцептивного эталона, а смысл чувственной ткани воспринятого слова «означивается в языковых значениях», т.е. выражается через лингвистические характеристики и признаки [Там же, с. 13].

Экстралингвистический эффект от формирования профессионального сознания с учетом дополнительной формы значения «предмет+субъект» раскрывается в организации (управлении) предметной деятельностью субъекта в условиях коллективной работы. Для того чтобы согласовать свою профессиональную предметную деятельность с действиями своего коллеги, необходимо мысленно занять управленческую позицию, позицию организатора совместной деятельности. Тогда действующий с предметом субъект предстает как объект управления и доступен для анализа, воздействия, коррекции. Подчеркнем, что организация деятельности субъекта с позиции управленца возможна, если объект воздействия («предмет+субъект») способен функционально отвечать в соответствии с этим воздействием. О. С. Виханский и А. И. Наумов пишут по этому поводу: «Об управленческом взаимодействии можно говорить как о реально существующем только в случае, если объект управления выполняет команды субъекта управления. Соответственно, только тогда можно говорить о том, что осуществляется управление. Для того чтобы это выполнялось, необходимо, во-первых, наличие у субъекта управления потребности и возможности управлять объектом управления, вырабатывая для этого соответствующие управленческие команды, и, во-вторых, наличие у объекта управления готовности и возможности эти команды выполнять. Данные условия являются необходимыми и достаточными для того, чтобы субъект управления осуществлял управление объектом управления» [3, с. 14]. Таким образом, мысленный переход в позицию организатора совместной профессиональной деятельности позволяет специалисту воспринимать профессиональные действия своих коллег, воздействовать и корректировать их с точки зрения соответствия требованиям коллективного труда.

Итак, как видно из приведенного анализа, языковое и неязыковое профессиональное сознание характеризуется объемом или глубиной. Объемность профессионального сознания проявляется при когнитивном увеличении объема воспринимаемого предметного значения путем соединения его с субъектом деятельности. Данные когнитивные образования обуславливают синтаксические особенности профессионального речевого произведения, которые, по нашему мнению, являются основанием для выделения и характеристики специального языка, обслуживающего процесс организации совместной деятельности разнопрофильных специалистов, что может выступать предметом дальнейшего научного исследования.

Список литературы

1. Вардуть И. Ф. Морфема в типологическом исследовании // Морфема и проблемы типологии. М.: Наука, 1991. С. 6-85.
2. Величковский Б. М. Образ мира как гетерархия систем отсчета // А. Н. Леонтьев и современная психология. М.: Изд-во МГУ, 1983. С. 155-165.
3. Виханский О. С., Наумов А. И. Менеджмент. Изд-е 4-е, перераб. и доп. М.: Экономистъ, 2006. 670 с.
4. Выготский Л. С. Мышление и речь. Психологические исследования. М. – Л.: Гос. соц.-экон. изд-во, 1934. 362 с.
5. Завалова Н. Д., Ломов Б. Ф., Пономаренко В. А. Образ в системе психической регуляции деятельности. М.: Наука, 1986. 110 с.
6. Зинченко В. П. Миры сознания и структура сознания // Вопросы психологии. 1991. № 2. С. 15-36.
7. Зинченко В. П., Мамардашвили М. К. Проблема объективного метода в психологии // Вопросы философии. 1977. № 7. С. 109-125.
8. Ильенков Э. В. Диалектическая логика. Изд-е 2-е. М.: Политиздат, 1984. 320 с.
9. Коршунов А. М., Мантатов В. В. Теория отражения и эвристическая роль знаков. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1974. 214 с.

10. Лекторский В. А. Субъект, объект, познание. М.: Наука, 1980. 358 с.
11. Леонтьев А. А. Деятельный ум (Деятельность. Знак. Личность). М.: Смысл, 2001. 392 с.
12. Леонтьев А. Н. Деятельность. Сознание. Личность. Изд-е 2-е. М.: Политиздат, 1977. 304 с.
13. Леонтьев А. Н. Проблемы развития психики. Изд-е 3-е. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1972. 576 с.
14. Лютенс Ф. Организационное поведение / пер. с англ. Изд-е 7-е. М.: ИНФРА – М, 1999. 692 с.
15. Маркс К., Энгельс Ф. Немецкая идеология // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Изд-е 2-е. М.: Гос. изд. полит. лит-ры, 1955. Т. 4. С. 11-544.
16. Михайлова З. А. и др. Теории и технологии математического развития детей дошкольного возраста. СПб.: ДЕТСТВО-ПРЕСС, 2008. 384 с.
17. Ньюстром Дж. В., Девис К. Организационное поведение. СПб.: Питер-Юг, 2000. 446 с.
18. Петров В. Е. Психологическое обеспечение работы с руководящими кадрами органов внутренних дел: методическое пособие. М.: ГУК МВД России, 2003. 211 с.
19. Рожанский Ф. И. Редупликация: опыт типологического исследования. М.: Знак, 2011. 256 с.
20. Рубинштейн С. Л. Основы общей психологии. СПб.: Питер, 1999. 720 с.
21. Тарасов Е. Ф. Вступительная статья // Язык и сознание: парадоксальная рациональность / отв. ред. Е. Ф. Тарасов. М.: ИЯ РАН, 1993. С. 6-16.
22. Тарасов Е. Ф. Межкультурное общение – новая онтология анализа языкового сознания // Этнокультурная специфика языкового сознания / отв. ред. Н. В. Уфимцева. М.: ИЯ РАН, 1996. С. 7-22.
23. Успенский Б. А. *Ego Loquens*: язык и коммуникационное пространство. М.: РГГУ, 2007. 320 с.
24. Философский словарь / под ред. И. Т. Фролова. Изд-е 5-е. М.: Политиздат, 1986. 590 с.
25. Харченко Е. В. Языковое сознание профессионала как предмет психолингвистики // Языковое сознание и образ мира: сб. ст. / отв. ред. Н. В. Уфимцева. М.: ИЯ РАН, 2000. 320 с.

PROFESSIONAL CONSCIOUSNESS: LINGUISTIC AND NONLINGUISTIC

Myskin Sergei Vladimirovich, Ph. D. in Psychology, Associate Professor
Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences, Moscow
 myskinsv@yandex.ru

The article reveals the content of the notion “professional consciousness”, which acts as the central element of the theory and conception of a linguistic professional personality. The structural and content analysis of professional consciousness is given, and its linguistic and nonlinguistic types are shown. The author pays special attention to the formation of professional consciousness in the conditions of joint professional activity.

Key words and phrases: professional consciousness; linguistic professional consciousness; nonlinguistic professional consciousness; professional picture of the world; objective meaning; linguistic meaning; role meaning; perception; activity; joint activity; management.

УДК 811.512.157

Филологические науки

В статье рассматриваются русские заимствования в якутской лексике по одному из самых древних занятий человека – рыболовству, которые проникли в якутский язык с появлением постоянного русского населения Якутии. Основными источниками выявления заимствований явились «Словарь якутского языка» Э. К. Пекарского и «Этимологический словарь русских заимствований в языках Сибири» А. Е. Аникина. На основе проведенного исследования автором обнаружены 49 заимствованных слов, среди которых названия рыб, рыболовных снастей, средств передвижения по воде, морских животных, рыбной пищи и другие слова, имеющие отношение к рыболовству.

Ключевые слова и фразы: рыболовство; лексика; влияние; заимствования; освоение.

Нестерова Анна Семеновна

Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова
 annest@yandex.ru

О РУССКИХ ЗАИМСТВОВАНИЯХ В ЯКУТСКОЙ РЫБОЛОВНОЙ ЛЕКСИКЕ[©]

Изучение хозяйственной деятельности тюркских народов представляет большой интерес для исследователей. Среди этой тематической группы выделяются термины животноводства, охоты и рыболовства. В последнем случае исследованию были подвергнуты материалы башкирского [10], туркменского [12], татарского [4], хакасского [3], чувашского [9] языков. До сих пор остается специально не изученной в сравнительно-историческом плане терминология по рыболовству в якутском языке. Хотя такие исследователи, как П. А. Слепцов [14] и Н. К. Антонов [2] в своих работах частично рассматривали лексику этой тематической группы.